

АНАТОЛИЙ ШКИРИЧ

ЭРА ГЕРОЕВ

ТАЙНАЯ
СТРАЖА

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш66

Серия «Магнетикон»

Художник обложки *Наталья Гуркова*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Шкирич, Анатолий Владимирович

Ш66 Эра героев. Тайная стража / Анатолий Шкирич.— Москва: АСТ, 2015.— 410, [1] с.— (Магнетикон).

ISBN 978-5-17-088637-1

Мир Ардаса не желает отпускать Алекса домой.

Зато ему предложен выбор — угодить в тюрьму за свои «подвиги» или стать агентом тайной стражи Ардаса и отправиться на Север, в долину, где некая неизвестная сила намерена собрать лучших убийц и наемников мира... Зачем? Вот это и должен выяснить наш герой.

Заодно ему предстоит помешать внести хаос в мир, где люди, нелюди, нежить и прочие народцы уже давно научились жить бок о бок, не вцепляясь друг другу в глотку... без серьезного повода.

Подписано в печать 22.01.15.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 2000. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Анатолий Шкирич, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Палатки в пестрых, словно осенние листья, заплатках окружали небольшую площадь на краю городка. Улюлюкая и отпуская пьяные шутки под редкими каплями начавшегося дождя, ярмарку покидали последние посетители. Горожанки, разодетые по случаю приезда циркачей, уже давно ушли вместе с гурьбой беспокойных детишек. А теперь и развеселые мужи, что, оставшись без присмотра жен, выхлебали непосильный объем темного эля и просадили деньги на аттракционах, потянулись в городок.

Навстречу одной такой нестройной пьяной ватаге, вразнобой тянувшей похабную песенку, из-за завесы морозящего дождя выехала тройка всадников. В глазах захмелевшего овцепаса сверкнули разудалые огоньки, но, к счастью, охранявший пьяниц добрый дух никуда не отлучался, и сельчанин лишь неловко сосупил в придорожную грязь, пропуская всадников. Еще секунду мужик провожал оступевшим взглядом закутанные в темные плащи фигуры, а затем встряхнул головой и зашпешил вслед за товарищами.

Трое же всадников, поочередно пригнув головы в низко надвинутых капюшонах, проехали под намокшим транспарантом. Работник в шутовском колпаке, сматывавший канаты, открыл было рот, дабы выпроводить припозднившихся посетителей, но тут же бросил бухту и скрылся за сувенирной лавкой. Меся копытами раскисшую грязь на месте вытопанной за неделю травы, всадники неспешно двигались вдоль ярмарочных построек: громадных палаток с выцветшими когда-то яркими вывесками, лавок и помостов.

Легкое движение поводев — и скакун замер напротив невзрачного шатра. Аляповатые буквы, карты и игральные кости на вывеске складывались в слово «Предсказания».

Всадник — высокий и крепко сложенный — откинул капюшон, подставив дождю короткостриженую седину и черную бородку клином. Мужчина легко соскочил с коня, не заботясь о добротных сапогах, угодивших в грязь, смешанную с навозом и сором. Его спутники спешили следом, встав по сторонам от входа в шатер. Опытный взгляд заметил бы, как ножны коротких клинков топорщили плащи.

Приподняв перчаткой намокшую занавеску, служившую дверью, мужчина скользнул внутрь. Пряный аромат экзотических трав смешивался с прогорклым запахом масла в лампадке, что освещала скудное убранство. Плетеный столик, покрытый черной бархатной тканью, стеклянный шар с наброшенным на него платком, древний сундук с пудовыми замками и пара стульев, один из которых занимала расплывшаяся с годами старуха в темном платье.

— Завтра заходи, милоч, нынче двери ярмарки уже затворились,— белесые глаза на морщинистом лице, не

отрываясь, смотрели на пламя светильника, а скрюченные пальцы перебирали потертые кости четок.

— Сегодня у тебя состоится еще один сеанс, прорицательница,— движения мужчины были стремительны, и лишь голос выдавал солидный возраст.

Посетитель властно опустил в кресло, сложив руки на черном бархате столика.

— Ах да. Чей-то я совсем запомнила,— усмехнулась гадалка.— Вижу, что ты издали спешил ко мне.

Крючковатый нос старухи дернулся, втягивая воздух:

— Дорогой парфюм, смешанный с дюжей долей конского пота и запахами дальних краев. В былые годы по грязи на сапогах я бы проследила и твой путь ко мне,— беззубая улыбка расплылась на лице гадалки.

— Все это мог бы сказать любой шарлатан из придорожного балагана. Не за этим я здесь.

— Раньше острое зрение и тонкий слух не раз помогали мне развеять пелену будущего. Нынче же я рассчитываю лишь на видение третьего глаза, а тяжкий день и расспросы измотали и его.

— Сегодня тебе кое-что поможет,— проведя рукой над бархатом, посетитель оставил на черной ткани кристалл, полный заключенного в прозрачной темнице света.

Гадалка жадно вдохнула, словно могла чутя Эфир. Скрюченные артритом пальцы ловко подхватили сверкающий кристалл, ладони потерлись друг о друга с шелестом иссохших листов пергамента. Удовлетворенный вздох — и на бархат из рук прорицательницы упал уже тусклый и безжизненный осколок.

— Будет тебе предсказание, милоч,— резким движением, никак не свойственным старухе, гадалка смахнула

со стола стеклянный шар. Гость не дернулся ни от резкого движения, ни от звона разлетевшихся осколков, замерев, словно влитой.— Больно уж ты покоен. Выдаешь себя, незванец.

Из-под стола, под молчаливым взором посетителя, была извлечена потерянная колода карт, и глаз с треугольным зрачком на ее рубашке вперился в свод шатра. Кусочки картона, словно живой рой насекомых, заскользили меж пальцев старухи, по тыльной стороне дланей и, наконец, сплетясь в шелестящую бумажную змею, обрушились на черный бархат, разложившись перед ней в длинный ряд.

— Мне выбрать карту? — насмешливо спросил гость, с лентой было протянув руку, но был тотчас остановлен отмахнувшейся гадалкой.

— С таким же успехом ты мог бы остаться дома и гадать сам себе на кофейной гуще,— презрительно скривилась старуха.— Заглядывая в свое будущее, ты сам же его и меняешь. Лишь сторонний наблюдатель способен приоткрыть ту завесу, не исказив видения.

Белесые глаза закатились под набрякшие веки, голос предсказательницы возвысился, с неожиданной силой заполняя палатку, а по ткани шатра заскользили тени, словно вокруг в ночи заплясал хоровод корчащихся человечков.

— Мои карты покажут тебе те сцены из грядущего, что увижу я,— ладонь гадалки двинулась вдоль замершего ряда изукрашенных картинок. Вдруг, словно наткнувшись на невидимую преграду, пальцы старухи дрогнули, и одна из карт вылетела вперед, перевернувшись и упав на бархат пред мужчиной.— Дракон — на картинке хвостатый и рогатый монстр — выдыхал пламя, но уже в следующий миг изображение расплылось,

и карминовый мазок огня исчез.— Кто выдыхает пламя, его лишится. Меч на звезде преломится,— другая карта продемонстрировала незнакомцу ее слова.— Стая зверей рассеется, тени покинут мрак. Возвращенного земель, иного среди чужих и принявшего тьму постигнет неудача.

Мрак, что скользил по пологу шатра, собрался по углам палатки и начал опускаться, погружая все внутри во тьму. Робкое пламя светильника все слабее сопротивлялось теням, и вскоре лишь мерцание карт и жуткое лицо старухи еще различались во мгле.

— Никто иной тебя не превозможет.— И тут руки гадалки, словно тяжелые поленья, упали на стол, и кружащая тьма тотчас развеялась, оставив запах гари и тлена. Не ушел мрак лишь из глубин глаз посетителя.

— А ты слишком хороша в своем деле,— во властном голосе мужчины промелькнули нотки уважения и угрозы.

— Бывает, мой длинный язык произносит слишком много слов,— устало произнесла прорицательница. Грудь ее тяжело вздымалась, а сама старуха грузно осела.— Чем оплачивать будешь, милоч?

Ночной гость поднялся, и по столику рассыпалась дюжина золотых монет с чеканным профилем. Гадалка потянулась к ближайшей деньге, но пальцы замерли, так и не дотронувшись до кружочка драгоценного металла. Белесые глаза нехорошо сощурились.

— А на прощание позволь и я окажу тебе ответную услугу,— посетитель перевернул одну из карт.

С картонки безразлично смотрело изображение черной бездны под плащом. В бесплотных рукавах одеяния замерла пара скрещенных крестьянских кос.

— Я слишком часто видала Незваного, заглядывавшего чрез чужое плечо и ждущего своего часа, чтобы он

мог меня застрашать,— с достоинством произнесла гадалка.

— Прощай же.— И мужчина выскользнул в ночь за полог шатра.

— Своими руками ты меняешь свое будущее,— еле слышно сорвалось с губ прорицательницы, но некому ее уже было услышать.

Выйдя под морозящий дождь, мужчина кивнул одному из телохранителей, и тот тихо, как ночная тень, скользнул меж занавесками шатра. Запоздалый же клиент предсказательницы поправил плащ, вскочил на лошадь и без спешки устремил скакуна к выходу с ярмарочной площади. Погрузившись в свои мрачные и тревожные думы, которым вторили удары капель, всадник двинулся вдоль покинутых людьми палаток, пустых лавок и оставленных снарядов жонглеров и акробатов. На почтительном расстоянии за ним следовал второй страж.

Они не успели далеко отъехать, когда из шатра выскользнул телохранитель, на ходу обтирая лезвие клинка платком, ранее накрывавшим стеклянный шар гадалки. Вложив короткий меч в ножны под плащом, страж оглянулся, обводя хватким взглядом обезлюдившую площадь, и двинулся к своей лошади, покорно ждущей у коновязи.

И вдруг телохранитель с вырвавшейся с губ бранью неуклюже растянулся на земле, словно некто наградил его пинком изрядной силы. Еще падая, страж выхватил из ножен клинок, но отточенное лезвие лишь рассекло пару дождевых капель.

Привлеченные руганью, оба всадника замерли, но телохранитель, поднявшись, успокаивающе вскинул руку и вскочил на коня. Однако по пути к выходу с

ярмарки страж еще не раз оглянулся в тщетных попытках узреть невидимое.

Никто не заметил их отбытия. Лишь глаз с треугольным зрачком с вывески над шатром гадалки насмешливо поглядывал вслед всадникам, пока все трое не скрылись за дождевой завесой.

Междупутье. Равнина Вольных Городов

Полночь. Темная улочка, скованная домами, напоминала ущелье. Одно из тех значных мест на окраине, куда ночная стража не направит по своей воле казенные башмаки, а жильцы, услышав крики, лишь плотнее захлопнут тяжелые ставни.

Одинокий фонарь доблестно исполнял свой долг, освещая горящим кристаллом небольшой проулок. Пара бродячих псов, что, рыча, копошились над кучей мусора, внезапно встрепенулась и скрылась в темноте. Через мгновение распахнулась дверь в полуподвальное помещение, и по проулку разнеслась приглушенная хаотичная музыка, звон стекла и хриплые разгульные голоса.

Здесь располагалось ночное заведение из тех, мимо которых днем проходят, брезгливо поморщив нос. Сюда ближе к сумеркам слеталась беззаботная молодежь, предпочитавшие оставаться в тени личности, что пытались на них заработать, а также другие жители города, желавшие утолить злость и похоть, ненависть и зависть в грохоте музыки, в смеси алкогольных паров, наркотических снадобий и запретной магии в окружении незнакомых лиц.

Из полумрака подвала в проулок выскользнула парочка, поддерживая друг друга в сладостных объятиях. Невысокая, хорошо сложенная девушка в облегающем темном платье без рукавов, с обильной шнуровкой. Ее каштановые волосы еще чудом держались в пышных узлах, длинная юбка скрывала изящные ноги, а по спине и чуть ниже откровенно скользили руки спутника.

— Да-да, так он и сказал,— чуть пошатываясь, рассмеялась девушка.

Губы парня скользнули по ее шее, но, когда он опустился чересчур низко, она его игриво оттолкнула.

— Что-то ты совсем разошелся,— но в голосе ее слышалось поощрение.

— Такие уж мы, дети ночи,— длинные темные волосы обрамляли его бледное аристократическое лицо, облегающий темный сюртук усеивал ряд модных застёжек из кожи.

— Звучит как затасканная фраза из дешевого бульварного романа,— фыркнула девушка. В глазах парня, полных страстного предвкушения, мелькнула злость.— Да и с чего мне верить, что ты один из настоящих? Сейчас каждый горазд прихвастнуть перед дамой, лишь бы наполнить ее бокал, а на утро — пфи, и перед тобой обычный подонок.

— Я могу показать тебе краски ночи...

— Этой ночи осталось-то с птичий нос,— оборвала его в очередной раз девушка, задумчиво покачиваясь на каблуках.— Во, придумала, клыки показывай!

— Все должно было пойти не так,— злостью он явно попытался скрыть нервозность. Быстро взглянув по сторонам, парень убедился в отсутствии непрошенных свидетелей в тихом пустом проулке.— Ну хорошо же.

Он чуть отступил от спутницы и оскалил верхнюю губу, обнажив клык сантиметра на полтора длиннее соседних резцов. Ноздри парня расширились, словно у дикого зверя, что учуял близость добычи, а грудь начала бурно вздыматься. Он порывисто шагнул навстречу девушке, но тут его спутница неловко оступилась и припала на колени. А в следующий миг на ребра парня обрушился сильный удар, и он влетел спиной в стену дома, сбив слой старой облицовки. Узкий серебряный кинжал оцарапал его гортань, не давая даже сглотнуть без риска для жизни.

— Ублюдочная тварь, мерзкая отрыжка северных лесов,— пьяные нотки в голосе девушки улетучились.

— Сударыня,— руки парня безвольно упали вдоль туловища, и он сполз по стене вниз настолько, насколько позволяло лезвие.— Я что ни на есть самый обычный человек. Эти клыки — лишь гипсовый слепок, чтобы дамочек привлекать,— он попытался хмыкнуть, издав на деле плаксивый стон.— Я не хотел никого обидеть, миледи. Это же так стильно — прикидываться ночными тварями, носить темные одежды и разглагольствовать.

— А ты всего лишь жалкий моднявый нытик,— медленно и презрительно процедила девушка.

— Да, так и есть... прошу вас, госпожа... отпустите меня...

Кинжал отдернулся от горла парня и единым слитным движением скользнул в ножны на ее лодыжке. Девушка повернулась и пошла по проулку.

— А ты знаешь, я почти поверила тебе,— она даже не повернула головы в его сторону, медленно идя по проулку к улице. Пальцы ее левой руки стянули с правого запястья браслет.

Парень стоял все там же, привалившись к облупившейся стене дома, и дыхание его становилось все более беспорядочным и поверхностным.

— Потливость? Головокружение? Слабость в ногах? Диагноз: отравление серебром. Лечение: смерть.

— Что ты со мной сделала, стерва? — прохрипел он, хватаясь за горло.

— Раствор серебра на коже и в помаде,— браслет сложился в полоску металла с четырьмя отверстиями для пальцев.— Но недостаточно концентрированный, чтобы ты не почувствовал его сразу, до того как он попадет в ту мерзкую жижу, что течет по твоим венам.

За спиной девушки разнесся хриплый крик ярости. Она же считала про себя свои шаги.

— Длина зуба сорок три миллиметра. Расстояние между клыками и расположение бороздок на них сходятся с характером ран, обнаруженными на телах двух девушек,— кастет плотно осел на ее изящных пальцах. Из волос была вынута пара длинных деревянных шпилек, удерживавших доселе пышные локоны на месте.— Ты думал, что ваши старшие оставят без внимания, что какой-то дикарь нарушает все договоры? — Шпильки скользнули в свои пазы на кастете.— Скажу честно, мне одинаково противны и твари вроде тебя, и те кровососы, что соблюдают придуманные законы. Но за них мне не заплатили, а вот за тебя...

Развернувшись, девушка с силой вогнула руку в бросившегося на нее из темноты кровососа. Острые и узкие, как спицы, шпильки вонзились в плоть, достигнув мертвого сердца, и из оскаленной в паре сантиметров от нее пасти вырвался последний хрип. Резко вывернув руку, девушка с треском обломала застрявшие в груди вампира деревяшки.

— Где те ночные монстры, которых боялись дети и взрослые? Те, о ком рассказывали страшилки у костра? — Уже окончательно безжизненное тело перед ней завалилось на мостовую. — Теперь вас считают какими-то странными больными. Вы достойны презрения, а не страха.

Кинжал вспорол неудобную юбку, оголив точеную ножку, и вернулся в ножны. Жаль, некому было похотливо присвистнуть в безлюдном проулке.

— Хотя ты и был просто больным. Ни ума, ни реакции, ни силы настоящего кровососа, легкая добыча, — скривившись, девушка схватила вампира за переднюю конечность и с натугой потащила из проулка. Тело застревало на выступавших камнях и плюхалось по застоющимся лужам дождевой воды и жидких отходов города. — Надеюсь, я тебя не притомила болтовней.

Дотащив дохлого вампира до улицы, девушка устало потянулась и оглянулась на нависшие над горизонтом облака, что уже светлели в преддверии утра. Как только первые лучи жаркого солнца коснутся брошенного трупа, он иссохнет, как иссыхают мокрицы, что обитают под камнями. И таким его найдут горожане. Примерившись, она ловким ударом каблука выбила верхний клык. В доказательство заказчику.

Легкий далекий хлопок тетивы — и с сочным чмоканием в труп впился короткий арбалетный болт. Девушка, не раздумывая, молниеносно скользнула, словно змея в норку, в проулок и уже оттуда с кинжалом в руке осмотрелась. Судя по наклону глубоко засевшего дротика, стреляли с крыши соседнего дома.

Она прождала с пять минут, но тени на чердаках и выше остались лишь тенями. Наконец, помедлив, все еще на взводе, девушка вернулась к трупу.

К арбалетному болту черной веревкой оказался примотан сложенный листок бумаги. Один взмах отточенного клинка освободил послание.

На дорогом пергаменте аккуратным почерком была оставлена короткая записка.

«Миледи, прошу оказать мне честь и почтить своим присутствием осенние торжества в долине Карамуреш».

Дикие Земли.

Далеко за северными границами Ордена

Порыв холодного, пронизывающего ветра, что обычно предвещает раннюю зиму, хлестнул по калитке. Нездрипаные петли жалобно заскрипели, но начавшую подгнивать деревянную створку остановила латная перчатка.

Под широкими, обитыми металлом ботинками земля глубоко проседала, и на ней оставались четкие рифленные следы. Выше подошвы и до самой макушки воитель был закован в механический доспех. Толстые полосы, соединенные почти невидимыми сочленениями, нагрудные пластины и наплечники — все тело покрывал сантиметровой слой металла. Под закаленной магией сталью вдоль рук и ног располагались поршни, шестеренки, шланги, гидроприводы, а за спиной негромко гудел компактный паровой двигатель, что приводил всю машину в движение.

Шлем с узкой прорезью, защищенной прозрачной пластиной, медленно повернулся, осматривая небольшую делянку. По центру расчищенной от вековых деревьев и окруженной невысокой изгородью поляны поднимался холмик землянки, рядом расположилась крытая конюш-

ня и крошечный загон для скота. Очередные искатели сокровищ Севера, что двинулись на свой страх и риск в Дикие Земли. Редкие счастливики, что возвращались назад, действительно могли прожить дальнейшую жизнь, не зная бедности. Но для большинства искателей все их надежды на будущее умирали именно в этих местах. И почившие в могилах могли еще считать себя везунчиками.

На земле валялась пара бесценных шкур серебристого горного кота, разбросанные целебные травы смешались с сорняками, а взломанные ящики обнажили образцы камней и кристаллов. Похоже, искатели успели собрать неплохую добычу и, скорее всего, спорили, стоит ли возвратиться до наступления холодов или же остаться на зимовку и уже по весне сплавиться в людные края.

На изгороди повисли клоки шерсти и остались багровые, почти черные, подтеки. Из конюшни выглядывали ноги мертвой лошади, и то, что их обглодало, попыталось сгрызть даже копыта. Утепленная мхом добротная дверь в землянку держалась на одной петле, а исходивший изнутри смрад будил в памяти картины труповозок, переполненных гниющими мертвецами.

Из крошечных дырочек в броне за шлемом вырвались струи перегретого пара, поршни начали ритмично сокращаться, по трубкам гидропривода устремилась жидкость, заставляя сгибаться сочленения, и рыцарь тяжело зашагал вперед. На перевязи левой руки висел тяжелый осадный щит полтора метра высотой. Обычному солдату пришлось бы с натугой справляться с одним его весом, но усиленную механикой руку щит лишь чуть клонил к земле. Правая же латная перчатка сжимала конец длинного баллона, который волочился по земле и оставлял глубокую канаву в увядшей траве рядом с четкими следами.